
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3/4

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-466-477

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМНОСТИ
СОЦИАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО ПОРЯДКА***Шумкин Евгений Михайлович**Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск)*

Интерес к порядку в социологии обусловлен в том числе выявлением различных факторов, его лабализирующих и детерминирующих. Рассматриваемый фактор как предмет объективно сложен для социального анализа и применения его результатов на практике. Одними из триггерных причин принимаются правовая культура и легитимность, которые исследуются в настоящей теоретической работе с эвристических и аналитических позиций. Предполагается, что правовая культура как совокупность агрегированных социумом и государством ценностей сама может выступать в роли фактора легитимности для такого порядка. Раскрытие эвристического интереса осуществляется через правосознание человека, осознанный выбор модели рационального (для себя или государства) поведения и работу социально-правовых институтов. Выделяя имманентные признаки правовой культуры, приходим к выводу о том, что критическая масса социально накопленного и правового знания провоцирует качественный скачок в развитии как социального, так и правового порядка. Такое развитие обуславливает формирование архитектуры не только социальных, но и номологических ценностей, создающей необходимые условия для устойчивости общественных отношений по объективным правилам, предусмотренным законодателем. Акцентируется невозможность предопределения примата рассматриваемых ценностей, так как социальные и нормативные действия реализуют необходимый баланс интересов, носящих корреспондирующий характер, где в качестве основных проблем рассматриваются неудовлетворенные фрустрационные ожидания. Предлагаемый аспект представляется несвойственным для большинства социологических работ в данной тематике, а потому видится интересным и научно полезным. Такие ожидания связаны с нарушением этого баланса, выраженного в перманентном конфликте права и правоприменения как квинтэссенции проникающего столкновения социального и правового порядков, где социум настаивает на поражении части монополии на насилие в случае девиантного поведения граждан и демилитаризации работы правовых институтов, связанной с порицанием неконформности, а государство защищает объективность правил поведения и распространение сферы их влияния через придание им легитимности. Рассматриваемый социальный порядок видится основой формы жизнедеятельности человека, где государство выступает в роли модератора, привнося нормы как неснижаемые стандарты ответственности каждого индивида, корректируя его модель поведения в сторону рациональности через правовую культуру, обеспечивающую правосознание, конформность и легитимность социально-правовых институтов. Правовая культура, закладываемая обществом и поддерживаемая государством, дает возможность консолидированно принимать рациональную модель поведения в обществе и делать ее устойчивой к деструктивным социальным явлениям.

Ключевые слова: правовая культура, легитимность, социальный порядок, правовой порядок, конформность.

LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF LEGITIMACY OF THE SOCIAL AND LEGAL ORDER

Evgeny M. Shumkin

Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk)

In sociology, the interest in order is determined, among other things, by the identification of various factors that stabilize and determine it. The factor under consideration, as a subject, is objectively difficult for social analysis and practical application of its results. Among the trigger reasons are legal culture and legitimacy, which are studied in this theoretical work from heuristic and analytical perspectives. It is assumed that legal culture, as a set of values aggregated by society and the state, can itself act as a factor of legitimacy for such an order. The disclosure of heuristic interest is carried out through legal consciousness of a person, a conscious choice of the model of rational (for oneself or the state) behavior, and the work of socio-legal institutions. Identifying the immanent signs of legal culture, we come to a conclusion that the critical mass of socially accumulated and legal knowledge provokes a qualitative leap in the development of both social and legal orders. This development determines the formation of an architecture of not only social but also nomological values, which creates the necessary conditions for the stability of social relations according to the objective rules provided by the legislator. The author emphasizes the impossibility of predetermining the primacy of the values under consideration since social and normative actions ensure the necessary balance of interests that are corresponding in nature, where unsatisfied frustrating expectations are considered as the main problems. Such expectations are associated with the violation of this balance, expressed in the permanent conflict between law and law enforcement, as the quintessence of the penetrating clash of social and legal orders, where society insists on defeating part of the monopoly on violence in the case of citizens' deviant behavior and demilitarization of the work of legal institutions that is related to the condemnation of non-conformity, and where the state protects the objectivity of the rules of conduct and the extension of their sphere of influence by giving them legitimacy. The considered social order is seen as the basis for such an organization of life in society where the state acts as a moderator, introducing norms as irreducible standards of responsibility of each individual, correcting his behavior model towards rationality through legal culture that ensures legal awareness, conformity and legitimacy of socio-legal institutions. Legal culture laid down by society and supported by the state makes it possible to adopt a rational model of behavior in society and to make it resistant to destructive social phenomena.

Keywords: legal culture, legitimacy, social order, legal order, conformity.

Введение

Термин «правовая культура» прочно закреплен в догматической части общего знания, причем понятие правовой культуры обладает многоаспектным характером. Презюмируя объективное содержание правовой культуры как явление, отметим, что оно провоцирует формирование различных общественных процессов (социальных, общественных, субкультурных, правовых, экономических), являясь для них одним из факторных условий возникновения, развития и прекращения. Как представляется, правовая культура, будучи причиной многих других явлений, сама по себе однородным предметом не обладает, так как в каждой плоскости научного познания имеет свой конкретный изучаемый аспект. В этом автор не соглашается с мнением Н.Н. Вопленко [Вопленко Н.Н., 2009, с. 193; Грамматиков В.В., 2020, с. 25], применяя общенаучные теоретические и аксиоматические методы исследования с доминантой системного метода, имплицитно исторического метода и метода сравнительного анализа.

Анализ легитимности в контексте социального и правового порядка на предмет стандарта его рационального поведения и оптимальной ответственности за него требует, в свою очередь, анализа исторических и социальных аспектов. Здесь взаимосвязь порядков, детерминированных рассматриваемым фактором, обуславливает необходимость изучения его взаимозависимостей с другими элементами системы, что позволяет улавливать сходства и различия между ними, а также степень влияния на них правовой культуры. Выделим основные три блока мыслей относительно явления правовой культуры.

Духовный элемент правосознания человека

В.И. Каминская и А.Р. Ратинов рассматривали правовую культуру как некую совокупность материальных и нематериальных элементов, имплицитно относящихся к системе права и верифицирующихся с человеческим сознанием и поведением [Каминская В.И., Ратинов А.Р., 1974, с. 52]. С.С. Алексеев определял ее как общность идеальных ценностей, связанных потенциалом права

[Алексеев С.С., 1966, с. 103]. Солидарен с ним был также В.М. Чхиквадзе, видевший в правовой культуре общественно-духовные идеи и нравственные ценности, формирующие правосознание человека и предопределяющие его поведение [Чхиквадзе В.М., 1970, с. 14]. А.С. Бондарев также усматривает в правовой культуре симбиоз правового сознания и предустановленного поведения субъектов права, являющихся носителями правовой культуры [Бондарев А.С., 2010, с. 9].

Безусловно стоит согласиться с тем, что в совокупность элементов правовой культуры входят ценности, как материальные, так и нематериальные, и что их влияние на человеческое сознание велико в современном обществе, которое и формирует его модель поведения. При этом стоит отметить и некую редуцированность этих определений, отражающих слишком идеалистический, доктринальный подход. Остается открытым вопрос об оценке со стороны государства как внешнего регулятора всех общественных отношений в союзе людей каждой отдельной модели поведения, выбранной человеком, на предмет совпадения с «правильным» поведением, т.е. поведением по праву¹.

Конформность человека, общества и государства

Правовая культура является объективной ценностью человека, общества и государства. Такая объективность обусловлена общим стремлением к конформному поведению, рациональная модель поведения которого представлена совокупностью всех норм права. Так, С.И. Кривцов наделял личность конформным правосознанием как непреложной причиной его социализации и рационального прагматизма, выраженного в соблюдении баланса прав и обязанностей, наделяемых со стороны общества (социальные нормы) и государства (правовые нормы) [Кривцов С.И., 2007, с. 157].

Расширяя точку зрения данного автора и солидаризируясь с ней, следует отметить, что конформность является идеальным выбором каждого индивида, намеренного стать важной социальной частью своего общества, и этот выбор осуществляется путем добровольного принятия конформности (*по Вольтеру*), только в этом случае право-

вая культура может являться общей ценностью². Схожим образом рассуждает В.Л. Васильев, называя ценностный подход сознательной конформностью, в противном случае такая конформность носит подчиняющийся характер [Васильев В.Л., 2002, с. 37].

Еще шире на конформность смотрит А.В. Куликова, а именно через призму принятия правовой культуры обществом и негативных последствий ее непринятия [Куликова А.В., 2006, с. 230]. По идее автора, правовая культура развивается только в контексте нормативной культуры правотворчества, т.е. законодательной практики как части внутренней политики государства. В связи с чем автор определяет весь правопорядок как жесткую связь таких субкультур, как нравственные начала, историческая память, политические убеждения и религиозные скрепы.

Статус социально-правовых институтов

Ценность норм права в обществе напрямую коррелируется с достижениями его правовых институтов. Качество этих достижений можно субъективно отследить по скорости законодательной машины, реакции общества на нормативные изменения в его жизни и уровню ее социально-правового развития или девальвирования. Важно подчеркнуть, что деятельность правовых институтов находится во взаимной каузальной зависимости от персональной архитектуры ценностей каждой отдельной персоналии и всего государства.

Так, А.З. Шефруков представляет рассматриваемые институты в виде организованной и формально определенной системы нормативных связей, формирующих лучшие социальные практики, направленные на нивелирование фрустрационных состояний человека, общества и государства на основе предлагаемых ценностей, в том числе правовой культуры [Шефруков А.З., 2008, с. 3].

Имплицитно рассматривал в своей работе вариативность влияния правовой культуры на правовые институты В.В. Люлюкин, в которой усматривал достижение социального эффекта правовых институтов через правовое сознание и правовую культуру в том числе, и возложил на

¹ Право «закон» (ср. правовое государство) – «то, что правильно». См.: [Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/t/право>].

² Вольтер: «Я подчиняюсь, чтобы содействовать согражданам и получать их содействие, воздать должное и получить по справедливости» (переписка на тему свободы и маргиналии человека в произведении Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре или принципы политического права»).

человека ответственность за привнесение плеяды ценностей (общественных и правовых) законодателю и государству, при этом ответственность эта является корреспондирующей [Люлюкин В.В., 2020, с. 149]. Интересную позицию по этому поводу занимает В.Н. Бибило, повествуя о невероятной смене ценностей за последние три десятилетия, в которые нормы поведения людей становятся такими, что раньше были неприемлемы, при этом суды представляют собой зеркальное отражение социальной действительности [Бибило В.Н., 2010, с. 102].

Исходя из рассмотренного объема точек зрения, крайне затруднительно вывести объективное определение правовой культуры, затрагивающее множественные аспекты человека, общества и государства, однако три основных компонента абстрактного определения рассматриваемого явления следует представить.

Первое, это одно из основных свойств качества общественной и государственной деятельности. По нему мы проводим верификацию качества всех остальных свойств гражданского общества и правового государства. Подобная валидность, например, является предметом объективного исследования Всемирного Банка (МБРР) в области изучения нормативно-правовой базы России в сфере предпринимательской деятельности³.

Второе, это правосознание индивида, вбирающее в себя идеальные ценности общества и стремящееся понять и принять позитивное право своей страны, выражая свое возмущение только способами, предусмотренными законодателем.

Третье, это компенсационная плата человека в виде его конформности как подписанта социального контракта (и его интересанта) за соблюдение баланса его интересов и интересов общества. Реализация такого механизма (поиск и соблюдение баланса) возложена на социально-правовые институты, присущие гражданскому обществу и правовому государству.

На основе вышеизложенного представим авторское определение правовой культуры, справедливое в рамках данной работы.

Правовая культура представляет собой не-снижаемый стандарт персональной и гражданской ответственности, являющийся частью внутренней политики государства с опорой на совокупность устоявшихся общественных ценностей, направленный на созидание правосознания, конформного поведения и легитимную работу социально-правовых институтов.

Такое определение представляется оптимальным для данной работы ввиду того, что баланс интересов (ценностей) достигается за счет субъективной оценки норм права обществом и мотивирующей коррекционной справедливости, носящей объективный характер со стороны государства [Дегтерев Д.А., 2011, с. 131].

Рассмотрим фактор легитимности как социально-правовую величину, воздействующую на социальный и правовой порядки и детерминирующую их основы.

Исходя из этимологических начал легитимность (лат. *legitimus* — правомерный) предлагает человеку принятие всех правил поведения, инкорпорированных в законы. Такое принятие, по мнению И.Л. Честнова, является апологетом авторитета власти и провоцирует на созидание культурных эталонов поведения в обществе [Честнова И.Л., 2018, с. 75]. Автор полагает, что власть (внешняя генерация воли общества), реализуя монополию на насилие путем проявления реакции неодобрения на «неправильные» (не по праву) поступки человека, способна понудить к конформному поведению и «подключить» к общей системе иерархии ценностей, являющейся частью общей культуры. Имплицитно такое принуждение к рациональному, с точки зрения законодательной власти, поведению через негативную реакцию органов государственной власти на отклоняющееся поведение индивида рассматривал А.Г. Карапетов, видя в этом минимальный стандарт правовой ответственности человека [Карапетов А.Г., 2016, с. 411].

Отсюда выделим ключевые имманентные признаки правовой культуры как фактора легитимности.

1. Правовая культура является интеграцией общей культуры как отражение системы социальных, правовых, экономических, психологических и других явлений. Так, Л.И. Петражицкий был уверен в том, что в идеальном мире нет таких правовых явлений, которые бы ни пересекались с другими [Петражицкий Л.И., 1909, с. 92].

2. Формальное закрепление принципов легитимности. Здесь принципы добросовестности и

³ Доклад «Ведение бизнеса» (англ. *Doing Business Report*) — ежегодное исследование группы Всемирного банка, оценивающее в 190 странах простоту осуществления предпринимательской деятельности на основе 10 индикаторов. Доклад посвящён оценке нормативных актов, регулирующих деятельность малых и средних предприятий на протяжении всего жизненного цикла, и порядку их применения на практике (правоприменение).

разумности закреплены законодателем и презюмируют эту модель поведения для всех участников свободного гражданского оборота, при этом их смысловое содержание не раскрывается, фундируется нравственным капиталом каждого члена общества⁴. Таким образом, предполагается безусловное принятие предустановленных государством правил поведения во всех общественных отношениях [Дегтерев Д.А., 2011, с. 87].

3. Социальное признание ценностей права.

Баланс корреспондирующих прав и обязанностей человека, общества и государства не гарантирует легитимности социально-правовой системы и ее эффективности. Трудно согласиться с Н.В. Варламовой в том, что постоянно наращиваемая практика применения норм позитивного права является демонстрацией ее эффективности [Варламова Н.В., 2016, с. 60]. Например, С.Э. Либанова отмечает эффективность с точки зрения способности «удерживать регулируемые общественные отношения в рамках своих норм» [Либанова С.Э., 2009, с. 72].

Следует отметить наличие перманентного конфликта права и правоприменения, выраженного в четырех практиках (законодательная, судебная и правоприменительная с опорой на социальную), учет которых необходим для понимания правовой культуры. Формальное признание правоприменителей — субъектов права законодательных норм — и их применение не утверждает их эффективности [Алекси Р., 2011, с. 146]. Правовая действительность строится на социальных практиках, так как именно результат социальной практики одних людей может обладать юридической значимостью для других [Кожокар И.П., 2020, с. 201]. Еще масштабнее и более независимо рассуждают о правовой норме И.А. Иконницкая, В.И. Никитинский и В.А. Федосова, выходя за рамки эффекта ее влияния, полагая, что эффективность кроется в соотношении правового результата «и социальной цели, положенной в основу правового предписания» [Иконницкая И.А., 1979, с. 58; Никитинский В.И., 1971, с. 201; Федосова В.А., 1984, с. 11].

4. Обобщающим признаком правовой культуры являются субкультурные пересечения всех социально-правовых явлений, предполагаемая формальность их закреплений в законе на основе социального признания.

Рассмотрим отдельные элементы научного знания, раскрывающие суть легитимности.

Власть. Понятие «легитимность» имеет сегодня широкое содержание, отличное от того, какое ввел в научный оборот М. Вебер. Являясь апологетом бюрократии как наиболее рационального способа управления в государстве, Вебер относил легитимность к специфике власти в виде господствующей формы государственного управления, основанной на влиянии и распоряжениях, носящих официальный характер [Weber M., 1978.]. Автор определял легитимность как должное подчинение людей власти государства, ориентируясь на свои моральные обязательства без учета вероятных позитивных или негативных санкций с его стороны, а только лишь принимая во внимание его особенное положение. Из нескольких вариантов правоотношений людей и государства (*харизма и традиция, по М. Веберу*) наибольший интерес представляет рационально-легальные общественные отношения, выраженные в непреложности формально определенных правил поведения в обществе, защищаемых государством. Такие правила поведения презюмируются неприкасаемыми, базирующимися на принципе единоначалия политико-правовой системы, господствующей в государстве, связывающей социальный и правовой порядки.

Отношение к праву. Несмотря на уникальность предложенной М. Вебером теории (бюрократии), легитимность позднее стала предметом рассуждений как о силе условного большинства над мнением условного меньшинства [Кильдюшов О., 2016, с. 131]. То есть ставится вопрос об эффективности этой легитимности (развивается мысль М. Вебера), где вчерашнее меньшинство (например, большевики – РСДРП(б)) смогли захватить и удержать власть, а затем и развить успех на территории Российской империи, насаждая свои правила легитимного поведения, обремененные своей новой властью [Skocpol Th., 1979, p. 86]⁵. В таком случае легитимность нового общественного порядка будет обусловлена той властью, которая наделит себя возможностью монополизировать применение негативных санкций за нарушение правил поведения. И, таким образом, *новый* общественный порядок представляет собой *новое* объективное отношение к праву,

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020), ст. 10. Пределы осуществления гражданских прав.

⁵ Первый съезд РСДРП / А.Ф. Костин // Отоми – Пластирь. М.: Сов. энциклопедия, 1975. (Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров; 1969–1978, т. 19).

формируя иную социальную практику, воздействуя на правовую культуру путем ее изменения. А изменение, в свою очередь, несет в себе принятие нового правового порядка через подчинение новой власти [Алекси Р., 2010, с. 150]. Отсюда вывод о том, что правовая культура как фактор легитимности несет в себе силу понуждения к праву адресатов, а не следует от них. С таким строгим заключением нельзя согласиться буквально, так как в смысле источника правовой культуры социальный порядок имеет примат перед правовым.

Историческая тождественность. Идея данного пула точек зрения настаивает на зависимости всех социально-правовых институтов от легитимности как способа влияния на все процессы происходящие в обществе и государстве. В какой-то степени о подобной силе влияния упоминал и М. Вебер [Вебер М., 2006, с. 477]. При этом крайне затруднительно утверждать, что социально-правовые институты (например, институт брака и институт собственности) жизнеспособны только потому, что наделены легитимностью существующей властью и их существование оправдано только их присутствием на всем историческом промежутке времени исходя из принципа: «Это было и устояло прежде, и нет причин сомневаться в легитимности этих институтов сегодня». Действительно, легитимность цивилизованных правовых порядков опирается в основные правовые семьи (например, общего и континентального права, а также исламского и других), системы которых сложились исторически и проявили свою социальную устойчивость. Предполагается, что эта устойчивость оптимально обусловлена успешной проверкой на прочность различными событиями и явлениями, подтвердившими их власть, и верификацией на актуальность в современном мире. Иными словами, прошлый правовой порядок кодирует правовую культуру будущего, опираясь на порядок социальный.

Юридическая допустимость. Смысл легитимности представляется в правовом порядке, обоснованно опирающемся на социальный порядок. В этом случае допускается легитимная смена правового порядка. Оценочное суждение такой легитимности должно исходить из объективных правил поведения, не дозволяющих неправомерное поведение (например, насильственный захват власти вместо референдума). Таким образом, легитимность здесь является тонкой оценочной материей, объективность или субъективность которой находится в зависимости от силы, ее использующей.

Или примат субъективности, например, приводит к обнулению существующего правового порядка или абrogации отдельных его правил (пример «цветных» революций)⁶.

Обусловленность права. Право как узаконенная возможность выбора модели поведения человеком находится под влиянием признания такой возможности этим человеком? Или достаточно формально определенного признания этой возможности институтами государственной власти только на основе того, что право есть, оно обладает самостоятельной юридической силой? На наш взгляд, обе точки зрения носят радикальный характер, а идеальная конструкция признания права как ценности под условием одного или второго варианта находится в трансграничной плоскости. Еще Ю. Хабермас подчеркивал, что легитимность служит для защиты в первую очередь социальных ценностей и только такая правовая культура признает такие правила поведения в обществе [Хабермас Ю., 2010, с. 122]. При этом стоит сказать, что признание права отражает *правильность* норм права и конформность без понуждения.

Агрегируя рассмотренные элементы, отметим следующее. Правовая культура как фактор легитимности в первоначальном (веберовском) смысле носит сублимированный характер, где она выступает апологетом любой власти, возглавляющей структуру управления государством, и является фактором влияния на формирование правового порядка. При этом семантическое изменение *legitimus* вышло за рамки законного правления и определения правовой культуры как причины легитимности социального и правового порядка и требует экстраординарного подхода. В противном случае все рассуждения на тему легитимности были бы лишены смысла из-за скованности бланкетного определения по формуле: «Легитимность рождает право, а оно правовую культуру». Однако стоит отметить, что требуется раскованность отсылочного определения, выраженная в многоаспектном подходе: социальном, экономическом, нравственном, духовном, философском, правовом и так далее, раскрытие добровольного принятия доминирования общих правил поведения, выгодно (эффективно) отражающих идеальные и материальные ценности общества.

⁶ Colour revolutions in the former Soviet Union | A bit faded but still bright enough // The Economist. 2008. Jan 10. (англ.).

Заявленная экстраординарность требует рассмотрения социального порядка и безусловного упоминания о «Гоббсовой проблеме», в центре которой находится понимание взаимодействия индивидуальных акторов, имеющих свои и зачастую несовпадающие цели (ценности). Т. Гоббс понимал эту проблему как естественное устройство жизни, приматом и гарантом стабильности которой является государство, чья естественность заключается в невозможности существования социального порядка при отсутствии формализации правил поведения в нем [Гоббс Т., 2017, с. 523]. Данный дискурс интересен и полемичен и будет рассмотрен в аспекте принятия правовой культуры как фактора влияния на развитие общественных отношений.

Рассмотрим некоторые подходы к разрешению проблемы социального порядка.

В рамках философского дискурса И. Кант по-своему интерпретировал проблему, поставленную Т. Гоббсом, и обосновывал общественный порядок как социальные ценности, опирающиеся на свободу выбора через принятие решений рациональными акторами [Кант И., 2017, с. 463]. Перевод «Гоббсовой проблемы» социального порядка сквозь призму философии Канта дает возможность посмотреть на нее как на социальный вариант купирования эгоцентричных целей отдельных акторов, в разрозненном, несогласованном виде обреченных на неуспех, так как достижение успеха одними достигается за счет других. Интересно отметить, что Кант предполагал наличие императивных пределов, удерживающих в себе стремление отдельными индивидами достичь удовлетворения эгоцентричных потребностей. Такие пределы обуславливались социальной значимостью, общими принципами, оценивающими рациональность поведения большинства.

Солидаризируясь с данной точкой зрения, важно указать дополнительную проблему, из нее вытекающую, а именно то, что конформность подразумевает принятие всех правил поведения, существующих в обществе и устанавливаемых государством, однако такая легитимность в реальности работать не может и отдельные индивиды всегда будут выражать свое неприятие отдельных императивных или диспозитивных норм, если те конфликтуют с их нравственными, например, убеждениями.

В то же самое время, в рамках политэкономического дискурса Адам Смит определяют человека в качестве базового элемента всего общества и так же, как И. Кант, связывает его мотивацию с

удовлетворением собственных благ; при этом интерес самого общества обуславливает стремлением каждого индивида закрыть свои потребности и называет такой порядок «естественным» [Антипов Г.А., 2017, с. 147]. При этом идея «невидимой руки рынка» А. Смита, укажем, является метафорой, а не догмой и потому работает не всегда.

Для достижения социального порядка буквальный подход А. Смита видится малоподходящим, его негибкость усматривается в отсутствии улучшения, по Парето, когда не требуется принимать оптимальных решений в отношении себя, иногда для достижения необходимого «естественного» порядка требуются и субоптимальные «противоестественные» действия.

В рамках подхода социальных наук (социологии и юриспруденции) проблема социального порядка раскрывается через *effectus* (лат.) принуждения государственного регулятора общественных отношений внешней воли индивида, направленного на создание устойчивого алгоритма общего рационального поведения через социально-юридические институты, цель которых — признание большинством поведения по позитивному (текущему) праву. Здесь проблема социального порядка раскрывается через основные юридические понятия, присущие порядку правовому: добросовестность и разумность, право и государство, свобода и воля и др.

Очевидное преимущество данного подхода выражается в наличии структурного порядка, и не важно, на каких аспектах он строится: политических, легитимных, нормативных, проблемных, коммуникативных и т.д. («*порядок ради порядка*»). Выражает солидаритет с данным подходом и теория коммуникативного действия, раскрывая порядок логической связью социального мира с миром нормативных правил поведения, определяя рациональность поведения той значимостью, которой обитатели этого мира наделяют предлагаемые правила.

Очевидно, что представленные подходы лишь рамочно рассматривают «Гоббсову проблему», и в первую очередь это связано с многоаспектностью проблемы социального порядка, что, в свою очередь, лишает «жесткости» любое определение, кроме общего, даже абстрактного. Эксплицитный подход дает возможность увидеть объяснения тех или иных нормативных предписаний государства и социальных явлений, возникающих в случае отсутствия лояльности к ним, с помощью таких теорий, как: теория игр, теория множеств, теория принятия решений и так далее, а также тех задач,

которые они перед собой ставят. Такой подход срывает эвристическую вуаль когнитивных затруднений, связанных с пониманием социального порядка, его факторов легитимности, самого понятия легитимности и оптимально-рациональной модели поведения в нем. Так, например, оптимальная кооперативная стратегия теории игр раскрывается через моделирование по определенным признакам:

1. Наличие множества участников.
2. Обусловленная правовой неопределенностью, асимметрией информации и множеством иных внутренних и внешних факторов поведенческая модель этих участников, раскрывающаяся через безграничный потенциал пространства вариантов.
3. Объективное несовпадение ценностей индивидов.
4. Взаимозависимость поведения индивидов, когда результат каждого зависит от выбора модели поведения каждого.
5. Присутствие таких нормативных правил поведения, известность и признание которых презюмируется.

Таким образом, социальный порядок и его проблемы стоит рассматривать с многоаспектных, трансцендентных позиций, требующих понимания рациональности модели поведения, предписываемой государством, ожиданий социума, связанных с принятием предлагаемых правил поведения. *Социальный порядок — это состояние общества, не являющееся естественной данностью без осознанного принятия общественно-правовых норм, обеспечивающих включенность индивида в развитие социума и государства.* По Гоббсу, именно институциональный гарант в виде государства в состоянии решить проблемы социального порядка, через механизм легального принуждения придерживаться конформно-коллективной стратегии и легального насилия над делинквентами. Принятие такой стратегии через призму правовой культуры является идеальной квинтэссенцией социального порядка, а его эффективность призвана обеспечить порядок правовой. На маловероятность (невозможность) социального порядка в смысле Т.Гоббса указывал Т. Парсонс, полагая, что неустойчивые социальные действия должны находиться под перманентным правовым давлением со стороны государства, удерживаясь в общем фарватере формализованных правил взаимодействия, носящих для социума объективный характер [Парсонс Т., 2008, с. 12]. В связи с этим возникает проблематика ле-

гитимности социального и правового порядка, выраженная в возможности реализации социальных ценностей индивидами при одномоментном и добровольном поражении себя в правах для достижения правового порядка, продиктованного государством. Презюмируем, что в объективной действительности правовой порядок стабилизирует общество, отслеживая исполнение нормативных правил поведения, отводя социальному порядку роль хранителя естественных традиций общества.

Выражая солидаритет Т. Парсонсу в части постановки его акцентов именно на императивности системных требований, укажем, что такая точка зрения объясняет государственную устойчивость. Интересно отметить, что автор этой идеи и российский законодатель тождественно *не* рассматривают модель поведения социального агента как рациональную. Последний предполагает, определяя за социального агента его поведенческие ориентиры, усиливая эффект мягкого принуждения им следовать за счет вероятности наступления негативных последствий при отклонении от них. В данном контексте Т. Парсонс «связывает» ценности социального порядка нормативными ценностями правового порядка и включает добровольное принятие социумом примата нормативных правил правового поведения, доминирование которых обусловлено властью, в общеконформных целях, в чем и расходится с Т. Гоббсом. Так как признавая легитимность правового порядка социальным агентам, ему необходимо добровольно отказаться от части индивидуальных ценностей в общих (государственных) целях и передать правомочия по управлению порядками власти.

Здесь следует выделить идею Э. Дюркгейма (совпадающую с идеей Т. Парсонса) о генеральной институционализации, в рамках которой социальный порядок вторичен по отношению к порядку нормативному. Данная парадигма, по мнению автора, задает стандарт легитимной и рациональной модели поведения [Douglas M., 1986, p. 99].

Представляется, что социальный порядок является неустойчивым институтом без института правового порядка, являющегося гарантом обеспечения баланса интересов человека, общества и государства. При этом позиция долговечности государственной конструкции, базирующейся только на усилении нормативности правил поведения и усилении механизма принуждения к их исполнению, вызывает справедливый скепсис, так

как ресурс любой формы насилия является исчерпывающим. И только социально-правовая система, построенная на правовой культуре как стандарте персональной ответственности каждого социального агента с опорой на правовую культуру общества и государства, обеспечивает легитимность работы социально-правовых институтов. Квинтэссенцией таких отношений между обществом и государством и взаимных ожиданий будет являться обсуждаемый баланс интересов, связанный с корректирующей справедливостью социальных и юридических норм. С этих позиций видится лишь нормативная проблема выявления противопоставления конформного и девиантного поведения как проблема социальной неопределенности из-за корреспондирующих ожиданий совпадения ценностей между обществом и государством. В таком случае примат правового порядка над социальным порядком кажется более предпочтительным, так как объективные правила поведения для всех субъектов права дают равно конкурирующие возможности преследовать свои сугубо индивидуально-эгоцентричные цели. То есть конкуренция индивидов в социальном порядке происходит через призму правосознания и правовой культуры, что, в свою очередь, коррелирует с признаком стабильности государственного устройства.

В рамках понимания точек зрения Т. Гоббса и Т. Парсонса кажется очевидным радикализация легитимности правового порядка в первом случае и социального порядка — во втором, однако остается открытым вопрос о фокусе ценностного развития общества, ибо простым признанием тех или иных норм не обойтись. В качестве альтернативной точки зрения представим позицию Н. Лумана, выражающего сомнение в возможном доминировании того или иного порядка в обществе, в котором варианты выбора модели естественного поведения человека ограничены даже перед угрозой девиантного поведения [Луман Н., 2004, с. 153]. Однако даже при этом он акцентирует внимание на генезисе социального порядка.

Заключение

Таким образом, теоретическая рефлексия на тему правовой культуры как фактора социального и правового порядка приводит к мысли о перманентном взаимодействии всех со всеми (Зиммель), где внутреннее и внешнее влияние кодирует общество по объективным правилам [Баева Е.А., Буковская Н.В., 2011, с. 39]. Правила эти «свободны» от субъективности людей, транспа-

рентны, носят корреспондирующий характер в отношениях ответственности с государством, лабильзируют проблемы порядков, «связывают» общество единым пониманием необходимости их принятия. Такая взаимосвязь дает возможность прогнозировать модель общественного развития в будущем благодаря рецепции лучших социальных практик прошлого в позитивные юридические правила настоящего, и правовая культура как фактор легитимности обеспечивает устойчивость социальных и юридических правил на основе свободы выбора социальными агентами индивидуальной модели поведения. При этом свобода такого выбора не абсолютна, а относительна, что дает возможность государству и законодательству прогнозировать развитие общества в будущем.

Список литературы

- Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Изд-во Юрид. лит., 1966. 187 с.
- Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
- Алекси Р.* Дуальная природа права / пер. с англ. С.И. Максимова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2. С. 138–152.
- Антипов Г.А.* О «Невидимой руке» Адама Смита и формировании научной картины социального мира // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201751115>
- Баева Е.А., Буковская Н.В.* Эвристика социальной теории Г. Зиммеля, или о том, как возможно современное общество // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 36–40.
- Бибило В.Н.* Проблемы юриспруденции: избранные труды. Минск: Право и экономика, 2010. 470 с.
- Бондарев А.С.* Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2(8). С. 8–15.
- Варламова Н.В.* Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 30–71.
- Васильев В.Л.* Юридическая психология: учеб. для вузов. 4-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2002. 634 с.
- Вебер М.* Основные социологические понятия / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 453–484.

Волленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.

Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана, вступ. ст. А. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 608 с.

Грамматиков В.В. Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5(114). С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027>

Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой подход в праве. М.: URSS: Ленанд, 2011. 240 с.

Иконницкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979. 183 с.

Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания: сб. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67.

Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2017. 784 с.

Каратетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.

Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 122–149. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2016-3-122-149>

Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 196–225. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-196-225>

Кривцов С.И. О конформности правосознания // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 157–159.

Куликова А.В. Правовая культура в рамках социологического подхода: содержание понятия, его особенности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1(5). С. 228–234.

Либанова С.Э. Зависимость эффективности норм гражданского права от единообразия применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 70–75.

Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.

Люлюкин В.В. Подходы к пониманию социального эффекта правовых институтов // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11(120). С. 140–152. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.120.11.140-152>

Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

Парсонс Т. Социальные системы / пер.

В.Г. Николаева // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. II, вып. 1(2): Социальная реальность: концепция и методология исследований. М.: Ин-т философии РАН, 2008. С. 38–71.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. СПб.: Тип. т-ва «Екатерингоф. Печат. дело», 1909. Т. 1. 318 с.

Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.

Честнов И.Л. Легитимность как признак права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-71-78>

Чухвадзе В.М. Законность и правовая культура на современном этапе коммунистического строительства // Коммунист. 1970. № 14. С. 42–53.

Шефруков А.З. Правовая культура в системе социальных институтов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. Вып. 8. С. 142–149.

Хабермас Ю. Проблема легитимизации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис, 2010. 264 с.

Douglas M. How Institutions Think. N.Y.: Syracuse University Press. 1986. 158 p.

Skocpol Th. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia and China // Theory and Society. 1979. Vol. 7, iss. 1–2. P. 7–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00158678>

Weber M. Types of Legitimate Domination // Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley, CA: University of California Press, 1978. P. 212–301.

Получена: 26.07.2021. Доработана после рецензирования: 10.09.2021. Принята к публикации: 11.09.2021

References

Alekseev, S.S. (1966). Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya Litaratura Publ., 187 p.

Alexy, R. (2011). *Ponyatie i deystvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [The concept and validity of law (a response to legal positivism)]. Moscow: Infotropik Media Publ., 192 p.

Alexy, R. (2010). [The dual nature of law, trans. from Eng. S.I. Maksimov]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Pravovedenie]. No. 2, pp. 138–152.

- Antipov, G.A. (2017). [On the «Invisible Hand» by Adam Smith and the formation of a scientific picture of the social world]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 51, no. 1, pp. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201751115>
- Baeva, E.A. and Bukovskaya, N.V. (2011). [Georg Simmels social theory heuristics, or how contemporary society is possible]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 347, pp. 36–40.
- Bibilo, V.N. (2010). *Problemy yurisprudentsii: izbrannyye trudy* [Problems of jurisprudence: selected works]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ., 470 p.
- Bondarev, A.S. (2010). [Legal culture and its products in their correlation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 2(8), pp. 8–15.
- Chestnov, I.L. (2018). [Legitimacy as a feature of right]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]. No. 3, pp. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-71-78>
- Chkhikvadze, V.M. (1970). [Legality and legal culture at the present stage of communist construction]. *Kommunist* [Communist]. No. 14, pp. 42–53.
- Degterev, D.A. (2011). *Teoretiko-igrovoy podkhod v prave* [Game-theoretic approach in law]. Moscow: URSS Publ.; Lenand Publ., 240 p.
- Douglas, M. (1986). *How institutions think*. New York: Syracuse University Press, 158 p.
- Fedosova, V.A. (1984). *Effektivnost' dejstviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The effectiveness of the norms of Soviet state law]. Voronezh: VSU Publ., 157 p.
- Grammatikov, V.V. (2020). [The nature of professional legal consciousness deformation (a case study of advocates' work)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law]. Vol. 15, no. 5(114), pp. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.114.5.019-027>
- Hobbes, T. (2017). *Leviatan* [Leviathan]. Moscow: RIPOL Classic Publ., 608 p.
- Habermas, J. (2010). *Problema legitimizatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of late capitalism legitimation]. Moscow: Praksis Publ., 264 p.
- Ikonnitskaya, I.A. (1979). *Problemy effektivnosti v zemel'nom prave* [Problems of efficiency in land right]. Moscow: Nauka Publ., 183 p.
- Kaminskaya, V.I. and Ratinov, A.R. (1974). [Legal awareness as an element of legal culture]. *Pravovaya kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya: sbornik* [Legal culture and issues of legal education]. Moscow: Vsesoyuznyy Institut po Izucheniyu Prichin i Razrabotke Mer Preduprezhdeniya Prestupnosti Publ., pp. 39–67.
- Kant, I. (2017). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow: AST Publ., 784 p.
- Karapetov, A.G. (2016). *Ekonomicheskyy analiz prava* [Economic analysis of law]. Moscow: Statute Publ., 528 p.
- Kil'dyushov, O. (2016). [The problem of social order (a Hobbesian problem): towards the heuristics and pragmatics of the constitutive question of contemporary social theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 15, no. 3, pp. 122–149. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2016-3-122-149>
- Kozhokar', I.P. (2020). *Effektivnost' prava v kategorial'nom apparate teorii prava* [Efficiency of law in the terminological apparatus of the theory of law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 48, pp. 196–225. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-196-225>
- Krivtsov, S.I. (2007). [On the conformity of legal consciousness]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 303, pp. 157–159.
- Kulikova, A.V. (2006). [Legal culture within the framework of the sociological approach: the content of the concept, its features]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1(5), pp. 228–234.
- Libanova, S.E. (2009). [The dependence of the effectiveness of civil law norms on the uniformity of application]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]. No. 10, pp. 70–75.
- Luman, N. (2004). *Obschestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow: Logos Publ., 232 p.
- Lyulyukin, V.V. (2020). [Approaches to understanding the social effect of legal institutions]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law]. Vol. 15, no. 11(120), pp. 140–152. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.120.11.140-152>
- Nikitinskiy, V.I. (1971). *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Effectiveness of labor law norms]. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publ., 248 p.
- Parsons, T. (2008). [Social systems]. *Voprosy sotsial'noy teorii: nauchnyy al'manakh. T. II, vyp. 1(2): Sotsial'naya real'nost': kontseptsiya i metodologiya issledovaniy* [Social theory issues: scientific almanac]. Vol. II, no. 1(2): Social Reality: Concept and Research Methodology]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 38–71.
- Petrzhitskiy, L.I. (1909). *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Yekateringof. Pechatnoe delo Publ.,

vol. 1, 318 p.

Shefrukov, A.Z. (2008). [Law culture in the system of social institutions]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyge State University. Series 1. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]. Iss. 8, pp. 142–149.

Skocpol, Th. (1979). State and revolution: old regimes and revolutionary crises in France, Russia and China. *Theory and Society*. No. 7, iss. 1–2, pp. 7–95. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00158678>

Varlamova, N.V. (2016). [Heterarchicity of modern legal systems and post-Soviet theory of law]. *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava* [Problems of post-Soviet theory and philosophy of law]. Moscow: Yurlitinform Publ., pp. 30–71.

Vasil'ev, V.L. (2002). *Yuridicheskaya psihologiya* [Juridical psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ., 634 p.

Voplenko, N.N. (2009). *Ocherki obschey teorii prava* [Essays on the general theory of law]. Volgograd: Volga Publ., 898 p.

Weber, M. (1921). Types of Legitimate Domination. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 212–301.

Weber, M. (2006). [Basic sociological concepts]. *Izbrannoe: protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected works: protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 453–484.

Received: 26.07.2021. Revised: 10.09.2021. Accepted: 11.09.2021

Об авторе

Шумкин Евгений Михайлович
старший преподаватель кафедры
административного, финансового
и корпоративного права

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
119991, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: 9100020@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>
ResearcherID: AAZ-6535-2021

About the author

Evgeny M. Shumkin
Senior Lecturer of the Department
of Administrative, Financial and Corporate Law

Novosibirsk State University of Economics
and Management,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia;
e-mail: 9100020@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>
ResearcherID: AAZ-6535-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шумкин Е.М. Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 466–477.
DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-466-477](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-466-477)

For citation:

Shumkin E.M. [Legal culture as a factor of legitimacy of the social and legal order]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 466–477 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2021-3-466-477](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-466-477)